

Пашинки Маурицио

9.07.03,

Нордический ломбардец

В Петербурге сыграл Маурицио Поллини

В Большом зале Петербургской филармонии дал клавирабенд один из самых известных пианистов второй половины XX столетия – Маурицио Поллини. Мировой успех пришел к восемнадцатилетнему итальянцу в 1960 году, после получения первой премии на Конкурсе имени Шопена в Варшаве. Артур Рубинштейн сказал тогда: "Да он уже сейчас играет лучше любого из нас – членов жюри!" После варшавского триумфа был многолетний перерыв в концертной деятельности: всю первую половину 60-х годов Маурицио стажировался у великого Бенедетти-Микеланджели. Потом он говорил: "Микеланджели показал мне некоторые полезные вещи!" Начиная с 1967 года Поллини выступает в лучших концертных залах мира, работает с выдающимися оркестрами и дирижерами, среди которых Караян, Аббадо, Булез, Заваллиш. По результатам опроса ведущих музыкальных критиков Европы и США, в 1976 году Поллини был назван лучшим пианистом мира. В период с 1972-го по 1976 год он записывает все этюды, полонезы и 24 прелюдии Шопена. Эти ультраромантические, наполненные фонтанирующей экспрессией и ослепляюще яркой красочностью тембров записи и по сей день остаются вершиной творчества итальянского пианиста. Позже активно проявляется интерес Поллини к музыке XX века. Он записал все фортепианные сочинения Шенберга, а также множество произ-

ведений Берга, Веберна, Ноно, Мандзони, Булеза и Штокхаузена.

Последний раз Маурицио Поллини был в Петербурге больше 20 лет назад. Тогда его запомнили как очень серьезного, но при этом неужержимо страстного и пылкого исполнителя. Для своего нынешнего выступления он избрал произведения Шопена (Фантазию соч. 49, два нокturna, соч. 55, Баркаролу соч. 60, Колыбельную, соч. 57, Скерцо № 3 соч. 39) и вторую книгу прелюдий Дебюсси. Весь этот репертуар Поллини уже много лет исполняет на крупнейших концертных площадках мира, и слушатели ждали очередного романтического триумфа. Но оказалось, что за последние два десятилетия в игре маэстро произошли значительные изменения. Исполнение всей шопеновской программы оказалось слишком тщательно выверенным, спланированным до мелочей. Да, наверное, ни у какого другого пианиста современности нет столь точной и рациональной архитектоники музыкальной ткани, столь "сцементированной" динамики, сопровождающейся к тому же отточенной техникой. Но куда-то пропала искренность восприятия самой музыки, бывшая романтическая экспрессия сменилась нервозностью, а чрезмерная рационализация шопеновской музыки привела к тому, что его крупные произведения (особенно Баркарола) превратились в набор виртуозно исполненных кусочков, никак не склады-

вающихся в единое целое. В июньском концерте Поллини предстал полной противоположностью другому великому шопенисту XX века – Владимиру Софроницкому. В исполнении Поллини отсутствовала та трепетность, элегантность и абсолютная искренность, которая всегда отличала искусство русского пианиста.

В том же ключе была исполнена и вторая книга прелюдий Дебюсси. Но то, что привело к отрицательным результатам в крупных произведениях Шопена, дало возможность наслаждаться импрессионистическими изысками миниатюр Дебюсси. Особенно подкупала богатейшая тембровая палитра итальянского пианиста. Маурицио проявлял гениальную колористическую изобретательность, а излишний для Шопена рационализм не позволил наполнить тончайшую фразировку ненужными аффектами, столь свойственными многим ультраэкспрессивным пианистам нашего времени. Исполнение прелюдий ознаменовалось и торжеством формы – каждая миниатюра абсолютно точно встраивалась в цикл, а не представляла вырванную из контекста виртуозную безделушку. Особо надо отметить просто образцовое ровное легато и мягкое туше, столь важное именно для музыки французского импрессионизма.

Алексей ТРИФОНОВ

Клубатура - 2003-3-9 июля. - с. 7